

*О, братья и сестры, знаете ли вы нашу
Зимнюю бухту? Знакомы ли вам эти воды,
эти волны между Аспудденом и Броммой?
Слышали ли вы их плеск, братья и сестры,
удары прибоя о берег, шелест прибрежной
гальки, шум ветерка в камышах и хлопанье
паруса знойным летним днем?
Сестры и братья, видели ли вы остров Эссинген,
с его высоким мостом, Бьёрнхольмен и остров
Кэрсён? Видели ли вы, как лодки несутся
на всех парусах со стороны Броммы?
О, братья мои и сестры! Многого вы не знаете
в этой жизни, многого вы не видели!*

— Ты что, сам с собой разговариваешь? — спросил Смурф, ковыряя в носу.

Я молча проследил за лодкой. Она на всех парусах приближалась к нашему утесу у Зимней бухты.

— Завязывай, — продолжал Смурф. — Знал я такого, тоже с собой говорил. Потом его сбил фургон с мороженым, прямо на переходе. Всё потому, что заболтался, по сторонам не смотрел.

Смурф извлек из ноздри указательный палец, рассмотрел огромную козявку, щелчком отправил ее в сторону лодки. На лице его разом отобразились удовольствие и отвращение.

— Хотя если хочешь стать актером, может, это и ничего. — Он все ковырялся в носу. — Может, вас в школе специально будут учить разговаривать с собой, переходя дорогу.

Лодка проплыла мимо утеса. Метров двенадцать длиной, с никелированным рулем.

За штурвалом стоял человек в белых шортах по колено, в темно-синей футболке, солнцезащитных очках и белоснежном козырьке. Загорелый, respectable. Хотя нас разделяло четверть сотни метров, мы почуяли запах дорогого одеколona — по крайней мере, так показалось. До того шикарный мужчина.

Напротив него сидели три девчонки нашего возраста. Все в крошечных бикини и без лифчиков.

Смурф перестал ковыряться в носу и уставился на них.

— Плывите сюда! — закричал он, когда лодка начала поворачиваться. Парус надулся, захлопал, и уже через мгновение лодка набрала скорость. Одна из девчонок принялась нам махать.

— Плыви сюда! — крикнул я. Пижон в шортах и козырьке даже не повернулся. Две девочки изо всех сил налегли на весла.

— Снимайте трусики! — вставая, заорал Смурф.

Лодка исчезла из виду, направляясь в сторону Броммы.

— Ну почему все симпатичные девчонки живут на том берегу? — спросил Смурф, снова усевшись на землю.

— Потому что богатые, — ответил я. — На завтрак у них бифштекс, они не едят порошковое пюре, а зимой у них на столе всегда помидоры и клубника.

— Была б у нас лодка, — мечтательно протянул Смурф, — сплавали бы на тот берег, вместо того чтобы плавиться тут на солнце. Смотри! — воскликнул он чуть погодя, указав козьячонным пальцем на воду. — А вот и твоя милашка-сестрица.

Так и есть. Среди волн показалась головка с соломенными волосами, прямым носом и широким ртом, блеснуло на солнце бронзовое плечо.

— Просто конфетка! — Смурф ковырнул в другой ноздре.

— Она не любит парней, которые по кусочкам выковыривают из носа мозги, — заметил я, поднимаясь.

— Вот бы сейчас лодку, — снова сказал Смурф и помахал козьячкой моей сестре Лене. Огромная козявка. Можно завернуть в коричневую оберточную бумагу и положить на Центральном вокзале. Робот-сапер из стохольмской полиции взорвет ее, и разлетится она на тысячи кусков.

— Хочу лодку! — закричал Смурф серфингисту в водонепроницаемом костюме с полосками, как у осы. Тот в испуге помчался в сторону Эссингена.

Лена уже близко. Забралась на утес, хватаясь руками за выступы и расщелины, и, словно доисторическая красотка, выбиралась из вод Мэларена, показывая грудью и встряхивая головой.

— Далеко же ты заплыла, — сказал Смурф.
Лена откинула волосы на плечо, отжала их.

— Да ладно.

— Слишком далеко по такой жаре. Как у тебя только сил хватает!

Лена рассмеялась:

— Это тебе кажется, потому что ты лежишь на берегу. Окунись, и будет полегче. Вода градусов девятнадцать-двадцать.

— Не люблю плавать. У тебя нет знакомых с лодкой?

— С лодкой? — уточнила Лена. — Не знаю таких.

Она надела красную юбку и принялась расчесываться огромной, как грабли, расческой. Встрянула головой — капли полетели на Смурфа.

— Черт! — вздрогнув, ругнулся он.

— Ты домой? — спросил я мою красотку-сестрицу, моего лучшего друга.

— Ага.

— Привет Навознику.

— Что-нибудь передать?

— Передай, что в жару навоз воняет еще сильнее.

Лена закатила глаза, натянула футболку, сандалии, вытерла лицо.

— Полотенце оставить?

— Ага.

Она швырнула в меня полотенцем и расхохоталась.

— Увидимся. Бабушке привет.

— Хорошо.

— В понедельник не забудь про школу.

Улыбнулась, наморщила свой милый лобик.

— Точно не знаешь, у кого есть лодка? — проныл Смурф.

— Пока! — Лена махнула на прощанье, взяла соломенную плетеную сумку и ушла.

Смурф долго пялился ей вслед, он всегда тарачится на любое тело, некогда возившееся с куклами.

— Клевая девчонка, — наконец вздохнул он.

Потом запустил палец в первую ноздрю и продолжил исследование носового прохода — поближе к черепу.

Лодка — еще больше, чем прежняя, — плыла прямо на нас. Около пятнадцати метров длиной. На сиденье двое мужчин в шортах и белых шапочках с большими эмблемами. Темный загар говорил о лете, какого в здешних краях и не припомнишь. Лодка круто развернулась у нас перед носом и направилась к другому берегу.

— Интересно, сколько такая стоит? — спросил Смурф.

— Два миллиона.

— Откуда только у них бабки?

— Ловкие парни.

— А мы?

— Мы? Ловкие?

— Ну да.

— Когда-нибудь, может, будем.

Смурф уставился на свои огромные руки.

— Как по-твоему, стать мясником — хорошая мысль?

— Еще как. За мясо и колбасу неплохо платят.

— Черные свинки и черные колбаски. Думаешь, можно на них разбогатеть, чтобы такую купить? — Смурф ткнул пальцем в лодку.

— Конечно, — сказал я.

— Все равно ты ловчее меня. Будешь актером. Я слышал, одна девчонка зарабатывает сто пятьдесят штук в день за то, что надевает разные шмотки и ее в них фоткают.

— Это не актриса, это модель. Актеры играют в театре или в кино, а не одеваются в чужое шмотье.

— Значит, актеры снимаются в своей одежде?

— Нет, но модель и актер — это разные вещи. Модель — это как вешалка для одежды. Актер — совсем другое.

— Какое другое?

Судя по голосу, ему было действительно интересно.

— Ну, совсем другое. Разница такая же, как между нами и парнем в той лодке.

Смурф посмотрел мне в глаза в полном недоумении.

— Понимаешь? — спросил я.

— Еще бы, — ответил он.

*Мои милейшие сестры!
Почему вы всегда на другом берегу?
Почему нас разделяет океан? Почему всегда
нужно столько усилий, чтобы достичь вас?
Почему вы всегда далеко? Почему надо на куски
разорваться, чтобы добраться до вас?*

Мы поднимались к Аспуддену, минуя спортплощадку. Жара стояла дикая, все сидели по домам.

Словно бы город вымер, люди разделись догола и молча лежали в кроватях, посасывая кусочки льда. Лишь изредка выглядывали на улицу сквозь жалюзи и занавески.

На Стенкильсгатан стояла «ауди», на крыше был прикреплен двухместный каяк цвета подсолнухов. Мы плелись мимо в сторону метро.

И вдруг Смурф остановился.

Это единственная машина на всей Стенкильсгатан. Стояла там, будто ничейная. Вокруг ни души. Ни звука. Каяк был прикручен к верхнему багажнику веревкой толщиной со шнурок. Смурф пощупал его. Склонив голову набок, посмотрел на каяк, затем на меня. Весла были прикреплены рядом.

Р-раз!

В руке Смурфа появился нож. Чик, чик, чик — и готово.

Р-раз!

И вот мы рвем когти, схватив каяк. Одно весло нес Смурф, другое — я. Мы побежали к Зимней бухте. Смурф впереди.

— У нас есть лодка!

Мы подошли к берегу и спустили каяк на воду, подошли к нему и забрались на борт. Вовсе не так легко, как мы думали, но, основательно намокнув, мне все же это удалось. Смурф ржал, утрамбовывая свою внушительную тушу в отверстие на заднем сиденье.

— Поплыли! — скомандовал он сзади.

Мы одновременно опустили весла в воду справа, и каяк отправился в путь, движимый силой наших рук; сорвался с места, словно золотое копьё. И вот мы уже в самом заливе.

— Ура! — орал Смурф мне в затылок. — Ура! У нас есть лодка!

От Аспуддена до Броммы по воде не больше восьмисот метров, и, подплыв к противоположному берегу, мы оказались в стайке девчонок, что кидали друг другу теннисный мячик.

— Куда плывете? — закричала красotka лет пятнадцати с пучком волос, перехваченным на макушке красной резинкой. Девчонка постарше в купальнике без верха схватила каяк за нос. Малявка, которой явно не больше одиннадцати, бросила в меня мячиком, я поймал его одной рукой и кинул обратно.

За моей спиной четвертая девчонка протянула руку к Смурфу, но он лишь крикнул той, что схватила каяк за нос, чтобы она нас не опрокинула.

— Да ладно, что такого! — ответила она, налегая на нос так, что он ушел под воду.

Загар у нее такой, будто начинается за три сантиметра под кожей. Я получил мячиком по башке, и малявка засмеялась.

— Далеко собрались? — фыркнула красotka.

— Плаваем по Мэларену, тренируемся, — ответил я.

— Давайте купаться! — крикнула малявка, запустив мячиком мне в голову. Мяч попал мне по уху — на этот раз действительно больно, потому что мяч новый и ворсистый, густой ворс новенького мяча напился водой, и тот стал весьма увесистым.

Я попытался поймать его, то тщетно.

Девчонка возле Смурфа подпрыгивала в воде.

— Они нас перевернут! — орал Смурф, опуская весло в воду справа и загребая. Я делал то же самое, и девчонка спереди отпустила нос каяка.

Быстро взмахивая веслами, мы отплыли от них. Затем положили весла, и я повернул каяк таким

образом, чтобы можно было видеть девчонок. Все четверо махали нам и что-то кричали.

— Вернитесь!

Смурф хохотал. Мы опустили весла в воду и возвратились к наядам из Броммы.

Моторная лодка огибала оконечности Эпшельвика. Она пронеслась совсем близко к берегу на такой скорости, что пожарная машина, спешащая на вызов, и то бы посторонилась. Лодка чуть ли не взлетала над водой на полметра, ветровое стекло у нее было черное, а корпус метров восемь длиной. Она промчалась мимо нас и, рыча, удалилась в сторону Дроттнингхольмского моста и Хэссельбю.

Но прежде чем пронестись мимо Дроттнингхольма и достигнуть берега Хэссельбю, она промчится в стайке четырех девочек, которые кружком сидят в воде и играют в мяч.

Девчонка с красной резинкой оттолкнулась в воде, чтобы отплыть подальше, и вот лодка уже исчезла, оставив белый пенистый след, похожий на шипящую и бурливую улицу.

Волны, бегущие по воде после лодки, качали наше судно, но мы опустили весла, сделали несколько быстрых гребков и оказались среди девчонок.

Тут красная резинка закричала:

— Патриция! Патриция!

Она положила руку на каяк. Та, что без верха от купальника, уцепилась за нас с другой стороны, и третья тоже.

— Патриция! — кричала резинка, а глаза у нее были как два черных колодца. Желтый мячик качался на волнах чуть поодаль.

Я поднялся на своем сиденье, и наше суденышко перевернулось. Я быстро подплыл к мячику и нырнул. На глубине вода была просто ледяной. Сквозь

толщу воды я слышал звуки приближающейся моторной лодки.

И тут я увидел ее. Распласталась почти у самой поверхности, волосы колыхнутся вокруг головы, руки вытянулись вперед, а ноги раскинулись в стороны, как будто она плывет. Но все кругом замерло. Тело ее было неподвижно.

Девочка медленно плыла прямо надо мной, сквозь ее волосы просвечивал солнечный свет. За волосы я ее и вытащил на поверхность. Метрах в пяти от нас покачивался на волнах каяк со Смурфом и девчонками. К ним приближалась спасательная моторка с двумя парнями на борту.

— На помощь! — крикнул я. Парни обернулись и увидели, как я с трудом удерживаю девчачью голову над водой.

Они подплыли ближе, подняли ее, а я вскарабкался на борт. Один из парней уложил ее на банку спиной вверх, надавил ладонями между лопаток. Вода потекла у нее из носа и рта. Вот парень опять перевернул девчонку, положил ее на пол, прижался губами к ее губам, зажал нос и начал дуть.

И вот она открыла глаза!

Когда спасательная лодка врезалась носом в песчаный берег, ее уже поджидала кучка взволнованных людей.

Я взял девочку на руки и спустился на берег.

Ее тощее тельце было почти невесомым. Женщина в синем бикини в белый горошек и с очень широким покрашенным ртом с криками пробивалась сквозь толпу.

— Патриция! Патриция!

Я положил девочку на горячий песок. Женщина в бикини упала на колени. Появилась еще одна женщина.

— Я врач!

Она уселась на корточки рядом с девочкой, спросила, как ее зовут, и принялась нащупывать пульс у нее на запястье.

— Патриция, — ответила девочка. Ее губы были похожи на обмылки. Кто-то принес одеяло. Мать с плачем потянулась к девочке.

Та обняла ее. Женщина, назвавшаяся врачом, поднялась.

— Все в порядке. У нее шок, но она скоро придет в себя.

Кто-то положил на песок рядом с девочкой желтый теннисный мячик. Она посмотрела на мяч, потом, прищурившись, на Смурфа.

— Твой мячик, — сказал он.

Девочка улыбнулась бледными губами и прижалась лицом к материнскому плечу. Мужчина с грудью, поросшей волосами, как у старого пуделя, пробился сквозь толпу и упал на колени рядом с женщиной и ребенком.

— Что с ней?

— Она в шоке, — повторила врач. — Но ничего опасного. Ей нужен покой.

Мужчина обернулся.

— Кто-нибудь видел, как это случилось?

У меня за спиной стоял один из парней со спасательной лодки. Он кивнул на меня:

— Это он нырнул и вытащил ее.

Мать подняла глаза, посмотрела сначала на меня, потом на мужчину с грудью старого пуделя. Слезы стекали ей в рот.

— Франк, надо ему что-нибудь дать!

*Сестры, милые сестры, как я тоскую по вам
одинокими ночами, оставшись наедине с самим
собой и своим желанием! Как я тоскую по вашим
телам, мои нежные сестры с покачивающейся
походкой и манящими ногами. Я тянусь
к вам и шепчу имена — ваши имена.
О, мои сестры, я так тоскую по вас,
я весь пылаю и ночью и днем. Моя тоска
словно всепожирающее пламя.*

Франк вел машину, я сидел рядом, на заднем сиденье — Патриция, Смурф и мама Патриции. Она без остановки говорила о своей маленькой девочке, чудом спасенной из морских глубин.

Франк въехал во двор и остановился. Они жили в двухэтажном каменном доме, покрытом белой штукатуркой и расположенном высоко на холме — так, что открывался вид на Мэларен. Отсюда видно Эссинген и Зимнюю бухту, а в другой стороне виднелись Бьёрнхольмен и Фогелён. Франк открыл лакированную дверь и вошел, мы вошли за ним.

Мать все время говорила, какое счастье, что Патриция не попала лицом в лодочный винт.

Перед входной дверью располагалась прихожая, за ней еще одна дверь с кодовой панелью на стене. Франк нажал четыре цифры, затем, выбрав нужный ключ, открыл прочную дверь. Связка у него была огромная.

— Добро пожаловать, — сказал он, распахивая перед нами дверь.

Франк пригласил нас в комнату со стеклянными дверями, откуда открывался вид на Мэларен. Там на стенах висели здоровенные картины, как будто нарисованные трехлетним ребенком. Стояли два гарнитура мягкой мебели и камин — такой огромный, что в нем можно было разбить палатку. Франк распахнул стеклянные двери, а Патриция улеглась на диван.

— Прощу, — пригласил Франк и широким жестом обвел Мэларен, словно бы озеро принадлежало ему одному. Смурф шел впереди, прошел на террасу. Там была расставлена садовая мебель. Над дверью — бело-зеленый навес, а немного поодаль — бассейн.

Франк остался в гостиной. Смурф взял шариковую ручку, лежавшую на столе.

— Какой прекрасный вид, — пробормотал он, записывая что-то на левой ладони. Положил ручку на место и ухмыльнулся, глядя на меня.

Франк появился в дверном проеме, ведущем на террасу.

— Давайте посидим в гостиной. Патриция хочет отдохнуть.

Мы вернулись в комнату, Патриция лежала, положив голову матери на колени. Франк предложил нам серебряный поднос с четырьмя маленькими рюмками.

— По стаканчику шерри?

— Спасибо, — отозвался Смурф, улыбаясь поочередно Франку, Патриции, ее матери.

— Хочешь чего-нибудь? — спросил Франк у дочери, но та лишь помотала головой.

Франк поставил поднос на стол.

— Ваше здоровье!

Он поднял рюмку в нашу сторону. Мы потягивали шерри — все, за исключением Смурфа, который проглотил свой одним махом.

— Хорошо пошло, — сказал он, улыбаясь Франку и возвращая рюмку на поднос.

Франк выдвинул ящик стола, который, судя по всему, был сделан еще во времена керосиновых ламп. Достал оттуда пачку денег, толстую, как псалтырь, и отстегнул от нее две стопочки поменьше. Большую пачку он убрал обратно и подошел ко мне, держа в руках маленькую. От него повеяло легким запахом какого-то одеколона.

— Спасибо тебе, Йон.

— Йон-Йон, — поправил я.

— Да-да, конечно, Йон-Йон. Будь в нашей стране побольше таких, как ты, мы бы сейчас не летели ко всем чертям.

Он протянул мне свою волосатую руку. Рукопожатие у него было крепкое и горячее. Мне такие нравились. И мне понравилось, что он вручил мне стопку сотенных купюр.

Я кивнул и поблагодарил.

Франк повернулся к Смурфу и дал такую же стопку ему.

И тут мы услышали, что кто-то открывает входную дверь. Раздались легкие шаги. В комнату вошла девушка с огромной копной волос. Губы у нее были клубничные, зубы — как сахар-рафинад, глаза веселые, а фигурка — как на рекламе нижнего белья, такие рекламы расклеены по всему городу. На ней было тонкое хлопковое платье с широкими красно-белыми полосками по диагонали, в руке она держала солнечные очки.

— Привет, — сказала она, и по всему было видно, что ее здорово озадачило появление Смурфа на мультимиллионерской вилле ее родителей.

Патриция спрыгнула с дивана и помчалась к ней с распростертыми объятиями.

— Элисабет, я чуть не утонула! А Йон-Йон нырнул и меня вытащил!

Она повернулась и показала на меня мизинцем, тоненьким, как карандаш, и длинным, как зубочистка.

Девушка по имени Элисабет взъерошила Патрицию волосы и прижала ее к себе. Затем прищурилась, изучая меня. Пока Патриция рассказывала, она смотрела на меня, склонив голову набок.

— Мы заплыли за буйки и играли в мячик.

— Я же запретила тебе заплывать за буйки! — перебила ее мать, протягивая свою рюмку Франку.

— Я, Луис, Нилле и Эва Даннефальк. Мы играли в мячик, и тут приплыли на лодке Йон-Йон и Смурф.

Они остановились рядом с нами, а потом уплыли, и тут вдруг скутер. Смотрю — он мчится прямо на меня, и я отключилась. Дальше ничего не помню. А потом помню спасательную лодку. Йон-Йон нырнул и вытащил меня.

— Нам страшно повезло, — сказал Франк, подавая Смурфу еще одну рюмку. Тот кивнул и проглотил ее содержимое, как голодный пес кусочек мясного фарша.

Элисабет прижимала головку Патриции к своему животу и гладила ее по щеке той же рукой, в которой держала солнечные очки. Все это время она не отрываясь смотрела на меня, а я не отводил глаз.

— Мы к бабушке едем? — спросила она.

— Конечно, — ответил Франк, переводя взгляд на Патрицию. — Ты сможешь?

Она кивнула. Франк посмотрел сначала на жену, затем на Элисабет.

— Вот и хорошо. Значит, поехали.

— Когда? — спросила Элисабет, продолжая гладить Патрицию по щеке.

Франк взглянул на наручные часы, которые на верняка стоили примерно как маленький автомобиль.

— Через полчаса.

— Надеюсь, на ночь мы там не останемся? — спросила жена, сидевшая на диване.

— Нет, — ответил Франк. — Как-нибудь в другой раз.

— А я хочу остаться, — сказала Патриция. — Хочу спать вместе с Элисабет в нашем садовом домике.

Элисабет снова взъерошила ей волосы, все это время неотрывно глядя на меня. Взгляд у нее был такой, каким можно вскрывать двери, в нем горел огонь, от которого у меня ослабели колени. Она подошла

к столику у того дивана, где сидела мать. Открыла посеребренный портсигар, достала сигарету, зажала ее губами, взяла со столика зажигалку и прикурила. Выдохнула дым в сторону матери, подошла к двери, ведущей на террасу, остановилась, прислонившись к дверному косяку, и посмотрела на Мэларен. Платье, почти прозрачное на солнце, не скрывало очертаний ее тела.

— Вы курите, мальчики? — спросил Франк.

Мы со Смурфом отрицательно замотали головами.

— Что еще я могу для вас сделать? — спросил он.

— Вы можете отвезти нас обратно на пляж Сульвика, — ответил я.

Тут Элисабет обернулась и посмотрела на меня. Длинная прядь упала ей на лицо, и она убрала волосы в сторону. Потом выдохнула в мою сторону огромный клуб дыма и медленно удалилась на террасу.

Милейшие сестры! Вы даже не знаете, что вы в себе таите. Не знаете, какими вы видите мне. Не знаете, как я томлюсь по вашим трепетным телам. Вам ничего не известно о тоске, пылающей у меня внутри, и моих изнуряющих мечтах. Вы даже не догадываетесь, милые сестры, о жестокости, живущей в ваших телах. Вы не знаете о моем возжелении и тоске, сестры! Вы не знаете о моем желании.

Франк вышел из машины, пожал нам руки, поблагодарил еще раз. Мы со Смурфом направились к калитке, а Франк укатил к себе на виллу.

Я достал из кармана купюры и пересчитал.

— Полтора косаря!

Смурф, улыбаясь, раскрыл у меня перед носом левую ладонь. На ней записаны четыре цифры светлосиней шариковой ручкой. Он растопырил пальцы.

— Что это?

— Двадцать шесть, девяносто один.

Смурф кивнул, и мы спустились к воде.

— Код от сигнализации, — ухмыльнулся он.

— Ты что, придурок?

— А дверь мы взломаем молотком и отверткой.

— Ты придурок!

Он остановился и посмотрел мне в глаза.

— Хочешь жить — умей вертеться, Йон-Йон. Как те парни с парусной лодки. Понимаешь? Они вернутся домой только поздно вечером. А может, и ночью. Принесем, что надо. Проникнем в дом и заберем оставшиеся бабки.

— Это грабеж.

Смурф склонил голову набок, улыбнулся — немного неуверенно.

— Да у них денег как грязи. Если мы возьмем пару лишних купюр, от них не убудет. У них есть все, что им нужно, и даже гораздо больше. А у нас что есть? Ничего!

Он выбил у меня на плечах барабанную дробь, заплясал вокруг меня. Мы спустились на пляж. Там было полно народу. Последние выходные перед началом учебы.

— Понимаешь? — крикнул Смурф и обманным маневром врезал мне справа в живот. Так, что я отступил.

Спустившись к воде, мы осмотрелись.

— Где он? — спросил Смурф.

Я обернулся и спросил у парнишки лет восьми:

— Ты не видел желтый каяк?

Один из наших собеседников посасывал через трубочку сок, крепко вцепившись в пакетик. Другой ткнул пальцем:

— Его только что взяли два парня. Вон они плывут.

Еще один мальчишка показал в сторону Эппельвикена. Другой кинул пакет из-под сока на песок и ударил по нему пяткой так, что раздался легкий глухой треск.

Я ухватил Смурфа за майку, и мы помчались туда со всех ног.

Смурф был не из лучших бегунов мира. Зато у меня шаг был легким, тело гибким, а ноги длинными. В девятом классе я получил разряд по стометровке.

Итак, мы мчались в сторону Эппельвикена.

Я обернулся и закричал на Смурфа. Он задышался и смахивал на инфарктного больного с избыточным весом. Чуть ли не со смертью боролся.

— Давай скорей!

Я отбежал назад, подгоняя Смурфа.

Справа виднелся Мэларен, на другой стороне — Эссинген.

В Эппельвикене пришвартовали дюжину симпатичных парусников — все из дерева. Задыхаясь, Смурф остановился, наклонился вперед и оперся ладонями о колени.

И тут я увидел их.

Они были метрах в пятидесяти от берега со стороны Эссингена. Гребли неуклюже и вразнобой. Со всем мелкие мальчишки.

Я осмотрелся, думая, как их настичь.

Чуть ниже, между двумя красивыми парусниками,

в моторке сидели мужчина и женщина. Мужчина заливал в бак бензин. Женщина улыбнулась, когда я подошел ближе. Похоже, они из тех, кому пенсия прекрасно хватает на жизнь.

— Извините, — сказал я со всей возможной вежливостью. — Вон те мальчики украли наш каяк.

Я показал в сторону бухты. Мужчина перестал наливать бензин и обернулся.

— Вы не могли бы отвезти нас туда, чтобы мы забрали его обратно?

Женщина посмотрела на мужа. Тот закручивал крышку жестяной красной канистры.

— Это не их каяк. Они украли его возле Сульвиксбадет. Ну пожалуйста, мы все лето работали, чтобы купить его.

Мужчина и женщина обменялись взглядами. Смурф подошел и встал рядом со мной.

— Они тут же сознаются, — сказал я. — Вы только нас туда отвезите.

Я показал на мальчишек. Мужчина поставил канистру в лодку и махнул рукой.

— Давайте сюда.

Я шагнул в лодку, Смурф — за мной. Мужчина завел мотор, но тот не слушался. Он дернул за шнур еще раз сто, потом сдался.

— Можно я? — сказал Смурф, делая пару шагов к корме.

Он завел мотор с пол-оборота.

— Сейчас столько воров развелось, — сказала женщина. На голове у нее была косынка, а на сморщенном пальце — истертые кольца. Наверняка она была красавицей в те времена, когда улицы мостили брусчаткой, а не асфальтом.

— Просто ужас, — ответил я. — Причем с каждым годом все больше и больше.

Мужчина уселся на кормовой банке, Смурф пристроился рядом. Я сел вместе с женщиной. На дне лодки у нее между ног стояла корзина из ивовых прутьев. В ней покоились термос и полиэтиленовый пакет, в котором, похоже, скучало с полдюжины бутербродов.

— Едете на пикник?

Женщина кивнула:

— Мы обычно ездим в сторону Дроттнингхольма.

Мужчина прибавил скорости. Мы почти уже настигли каяк со стороны Эссинге. Мальчишки до сих пор не поняли, что мы гонимся за ними.

— Он совсем новый, — сказал я женщине, глядя на каяк. — Мы сегодня первый раз на нем плавали. Делали пробный заход по Мэларену.

— До чего ж бесстыжие люди пошли, — ответила она.

— Не то что раньше, — поддакнул я.

Женщина кивнула.

Смурф встал, и мужчина на корме сбавил скорость. Мы подплыли к каяку совсем близко и настигли его. Лодка плыла на нейтралке. Смурф схватил весло и поднял его над головой.

— Валите из лодки, а то пришибу! — заорал он.

Те повернулись — поначалу лишь с удивлением. Совсем малявки.

Смурф потрясал веслом над головой.

— Валите! — орал он.

Мальчишки бросили весла и перевернули каяк. До берега было не больше десяти метров. Он плыли к скалам, пока Смурф дубасил веслом по воде.

— Вот доберемся до берега, я вам болты пооткручиваю! Слышите?!

Мальчишки плыли так, что брызги летели во все стороны. Вскоре они добрались до скал и, шатаясь,

взобрались на берег. Оба были одеты в темные футболки и джинсы, вымокли насквозь. Они с жалким видом заковыляли по камням и исчезли из вида в зарослях ольхи.

— Вы у меня дождетесь! — не унимался Смурф. — Я вас знаю! От меня не уйдешь!

Мальчишки уже взобрались вверх по тропинке и мчались в сторону домов. Пятки сверкали так, будто за ними гналась полиция.

*О, резвые мои сестры! О, драчливые
братья! Что вам известно о дружбе?
Фрекен Карлквист принесла в класс аквариум.
В нем плавали двенадцать черных моллинезий
и десять меченосцев. Каждый вечер она
звонила маме и Навознику и сообщала,
что я «беспокойно вел себя в школе».
Но однажды майским утром Смурф поймал щуку
величиной с половину моей руки. Щука резвилась
в прибрежных волнах Аспена. Без пятнадцати
восемь Смурф выпустил ее в аквариум.
И вот в десять минут девятого из аквариума
раздается плеск. Вода брызжет через край!
Все смотрят туда. Мия Хюльт кричит благим
матом. Фрекен стоит с раскрытым ртом.
Двенадцать черных моллинезий и десять
меченосцев покоятся в животе у щуки.
Вот что значит настоящая
дружба, братья и сестры!*

Мы достали два весла и отбуксировали каяк к берегу. Выбрались на прибрежные камни, а пожилая пара уплыла в сторону Дроттнингхольма.

— Спасибо за помощь! — прокричали мы вслед.

Вскоре они исчезли из виду, направляясь к Бромме.

Мы со Смурфом уселись в каяк и двинулись к Транебергскому пляжу. На скалах сидели девчонки, их наготу прикрывали только маленькие лоскутики между ног. У них были светлые гривы, вьющиеся от воды, их пышные красивые тела покрывал темный загар. Мы плавали мимо них — туда и обратно, Смурф что-то кричал им. Но девчонки лишь отворачивались. Плевать они хотели на наши восхищенные взгляды.

— Зачем они так? — Смурф прямо стонал. — Зачем раздеваются и выставляют свое добро напоказ, а потом обижаются, что ты на них смотришь?

— Их не поймешь, — ответил я. — Существа совершенно иной породы. По ним же сразу видно. Ты погляди.

Я показал на одну из девчонок — пышная задница, налитые груди, волосы вьются надо лбом, как солнечные лучи.

— Рехнуться можно, — сказал Смурф. — Пошли отсюда.

Мы заплыли под мост, миновали баржи у Хурнсбергского побережья и двинулись в направлении верфи Ульвсундашёна.

— Оставим его здесь, — сказал Смурф, хватаясь за пирс и выбираясь на сушу.

Я выбрался следом, мы вытащили каяк на пирс. Пахло краской и маслом. Над нашими головами дрались две чайки. Мужчина в синих брюках и заляпанной краской майке пытался взгромоздить подвесной мотор на тележку.

— Извините, — сказал я. — Мы хотели бы на неделю где-то оставить наш каяк.

— Мы хорошо заплатим, — продолжил Смурф, доставая свои сотки.

Мужчина с тележкой остановился. Вытер каплю пота на лбу и кивнул в сторону решетки с колючей проволокой:

— Можете оставить его вон там. Сотня крон за неделю. Я здесь с девяти до шести, так что вечером вы его забрать не сможете.

— Отлично, — сказал Смурф, расплатившись.

Мы ухватили каяк, переволокли его через решетку и положили на неотесанные доски. Весла оставили под ним. Смурф подергал решетку. Осмотрел три ряда колючей проволоки.

— Если кто-то задумает кражу, придется поработать кусачками, — сообщил он с довольной физиономией.

Распростившись с работником верфи, мы прошли под подвесным мостом Эссингеледена и погрузились в прохладную набережную вдоль Карлбергского канала.

На выжженном солнцем газоне перед Карлбергским дворцом загорали люди. На гравии возле лестницы играли в петанк¹. Посередине канала медленно плыл катер с надписью «Полиция». Двое полицейских в голубых рубашках с короткими рукавами всматривались в берег.

Смурф, прищурившись, наблюдал за ними. Вот полицейский катер исчез за ивами, склонившимися над водой у Лилла-Хурнсберга.

— Хорошо, что мы с ними не встретились, — сказал Смурф.

— Думаешь, каяк в розыске?

¹ Игра, при которой тяжелые металлические шарики надо броском положить как можно ближе к деревянному шару-кошонету. (Здесь и далее прим. пер.)

— Если они заметили пропажу.

Смурф посмотрел на левую ладонь.

— Черт! — вскрикнул он. — Черт!

Он остановился и уставился на ладонь. Показал мне. На месте четырех цифр остались лишь двойка и слабое голубое пятно.

— Двадцать шесть, — Смурф напряг память. — Там было двадцать шесть. И еще что-то с единицей на конце.

— Грабителям не стоит плавать на каяках, — ответил я, не в силах сдержать ухмылку.

— Двадцать шесть, — повторял Смурф. — А на конце единица. Вечером пойдем.

— Только не при включенной сигнализации. Не сможем отключить — ноги моей там не будет.

— Не хватает одной цифры. Надо выбрать одну из девяти — я помню, что это точно не ноль.

— Сам ты ноль, — сказал я и обманным маневром нанес ему удар по плечу прямой левой. Он парировал. Так мы боксировали всю дорогу к метро на Санкт-Эриксплан.

Мы уселись в поезд и на «Централене» сделали пересадку на тринадцатую линию. Смурф без остановки говорил о тех девчонках на скалах.

На станции «Марияторгет» в вагон сели четверо скинхедов в высоких черных ботинках на шнуровке и в черных джинсах. Вагон был полупустой, места навалом. Но они направились к нам. Все четверо в белых футболках, у одного на плече красовался шведский флаг размером со спичечный коробок.

Самый большой, тип с бицепсами толщиной с мои бедра, устроился рядом со мной и взялся за поручень под окном, упершись локтем прямо мне в грудь. При этом на меня он даже не смотрел.

Смурф сидел напротив, рядом с ним шаталось нечто длинное с родимым пятном на щеке. Еще двое встали в проходе. Долговязый повернулся к Смурфу и указал на меня длинным пальцем:

— Твой приятель?

— Да, — еле слышно прошепестел Смурф — будто нитка упала на пыльный пол.

Верзила пристально рассматривал меня. Глаза у него были неподвижные, мертвые — как у коммандос. Не знаю, где они их берут. Может, такие глаза им раздают, когда они еще только учатся, вместе с удлинителем члена и книжкой о том, как поднять самооценку, онанируя в компании.

— Нечего тебе якшаться с черномазыми, — сообщил длинный Смурфу, все так же пристально глядя на меня. — Водись лучше с такими как ты. Черномазые пусть убираются отсюда. А ты — наш, ты швед.

— Я тоже швед, — услышал я свой голос — будто землеройка пропищала.

Мне в солнечное сплетение врезался локоть, и я почувствовал себя проколотым шариком. Громила, что сидел рядом, убирал локоть не сразу. Длинный притворился, будто ничего не заметил, и положил руку Смурфу на плечо.

— Подумай-ка. Ты швед. Не забывай об этом.

Скинхеды вышли на остановке «Хорнстуль». Мы со Смурфом молчали до тех пор, пока двери не закрылись и поезд не тронулся с места.

— Говнюк, — сказал я.

— Да вообще, — согласился Смурф. — Говнюк сраный. Ты видел того, в проходе?

— Нет. Гамадрил заслонил.

— У него был выкидной нож, «стэнли». Я думал, они нас порежут.

— Может, и нет, в вагоне же еще люди.

— Сука. Вот сука подлая.
Смурф ударил себя кулаком по ляжке.
— Хотя их можно понять. Вокруг столько черномазых развелось! И все лезут к нашим девчонкам.
— Смурф, — напомнил я. — Смурф, я же черномазый.
— Да ну, какой ты черномазый. Ты швед.
— Мой папа — черный.
— А мама — шведка. Шведее ее только майский шест.
— Мой папа — черный. Я — самый настоящий черномазый.
— Никакой ты не настоящий черномазый. И говоришь, и ведешь себя как швед. А в счет идет только это. Ты сейчас домой?
— Нет, я к бабушке.
Смурф кивнул.
— Я за тобой заеду около восьми.
На «Аспудден» я вышел. Когда двери закрылись, Смурф встал перед окном и кинул мне зигу. Наверняка думал, что это смешно.

6

*Братья, о братья, такова дружба!
Была зима; мы учились в четвертом классе.
Когда лед между Аспудденом и Броммой
трескался, льдины становились так малы,
что ходить по ним было невозможно.
Но когда лед оставался сплошным, бывало
полегче. Льдина обрастала по краям ледком,
на который получалось поставить ногу.
Прыгая с льдины на льдину, можно было
быстро перебраться на другой берег.
Однажды мы прыгали так возле Линдхольмена,
и я свалился в воду. Одежда медленно
пропиталась влагой и тут же отяжелела,
тяжесть потянула за ноги вниз. Вниз,
вниз. Я попытался ухватиться за край
льдины. Со стороны города шла лодка.
Я ее до того не видел. Лодка быстро
приближалась. Времени было, может, около
половины четвертого, уже стемнело.
Помню, я думал: сегодня понедельник.
Я утону в понедельник, думал я.
И тогда Смурф лег на лед.
Распластался на животе, протянул руку.
«Хватайся!» — заорал он и стащил с руки варежку.
Я схватился за его руку. Она была теплая,
большая, и Смурф вытащил меня. Мы отползли
от трещины, отдохнули и бросились
бежать, и тут за спиной у нас прошла
лодка. Лед крошился под стальным винтом,
а я думал: сегодня понедельник, и я не утонул.
Сестры, о сестры, такова дружба!*

Я зашел в квартиру. Бабушка лежала на диване в гостиной. Накрыла лицо фартуком и храпела. Ткань поднималась надо ртом при каждом выдохе. Во сне бабушка что-то бормотала.

Я прошел к себе, упал на кровать и закрыл глаза локтем.

Нахлынули фантазии. Все равно что войти в универмаг, в дверь, которую даже не надо открывать. *New York, here I come!*¹

Я иду по Центральному парку, направляясь к планетарию. На лужайке молодой человек в широких штанах на подтяжках — голый до пояса, с накладным носом — жонглирует четырьмя мячиками. Женщины в шортах, тонких футболках и с плеерами парами пробегают мимо меня. В мою сторону поглядывает полицейский. Жарко. На скамейке сидит девушка в платье в диагональную полоску; солнечные очки на голове, как обруч. Девушка лижет мороженое в вафельном рожке. Я сажусь рядом. Между нами с метр пустой скамейки, однако девушка отодвигается еще дальше. Полицейский смотрит на нас, покачиваясь с пятки на носок, вперед-назад. Дубинку он держит за спиной, обеими руками.

— Мы не встречались в Стокгольме? — спрашиваю я.

— А ты швед? — Девушка отвлекается от мороженого.

— Ты же слышишь.

— Ну да.

— Я приехал в Нью-Йорк играть в спектакле.

— В каком?

— «Отелло».

— А. — Девушка высовывает большущий язык и снова принимается за мороженое.

— Ну и язык у тебя. Прямо огромный, — замечаю я.

— Собрался говорить гадости — иди с миром.

— Я не хотел тебя обидеть. Я только хотел сказать — он такой красивый! Большой и красивый.

— У меня красивый язык? — Девушка хохочет. — Ну ты даешь.

— Это же правда! Невозможно красивый. И большой!

Девушка роняет мороженое на асфальт, встает, надевает очки как положено и идет прочь.

— Где ты живешь? — кричу я ей вслед.

Девушка останавливается, оборачивается, качает головой и идет дальше.

— Где ты живешь? — Я рысью бегу за ней.

Мы проходим мимо полицейского. Кожаный ремешок дубинки обернут у него вокруг указательного пальца, полицейский вертит ею в воздухе, дубинка крутится, как пропеллер.

Я проснулся оттого, что надо мной стояла бабушка: руки в карманах фартука, волосы в беспорядке.

— Вы что вытворяете? — спросила она.

— А что?

— Не прикидывайся. Вас видели на Стенкильсгатан.

— А что? — повторил я, с трудом возвращаясь из Нью-Йорка.

— Астрид видела, как вы украли лодку.

Я сел.

— Ты вообще о чем? Не понимаю.

— Я говорила, на каких условиях ты можешь жить здесь?

— Не понимаю, о чем ты.

— Астрид видела, как вы сняли каяк с крыши машины и убежали в лес.

— Вот оно что, — пробормотал я. — Каяк.

¹ Нью-Йорк, вот и я! (англ.)

— Не пытайся выкрутиться.
— Мы сидели на берегу, разговорились с одной парой. Они рассказали, что не могут снять свою лодочку с крыши машины, потому что женщина вывихнула палец.
— Не выкручивайся. Лучше повтори, на каких условиях тебе можно жить у меня.
— И мы предложили, что сходим им за лодкой. Что тут такого?
— Условия таковы: ты не ввязываешься во всякие мутные дела. Забыл?
Я встал.
— Бабушка, мы просто принесли им лодку. Они нас *сами попросили*. Ты что, не веришь?
На матрасе, где я лежал, осталась ямка. И прямо посреди нее — пучок сотенных купюр. Бабушка схватила их, поднесла к моему носу.
— А это что такое, позволь спросить?
Она смотрела прямо на меня, качала седыми кудрями.
— За все лето ты даже не попытался найти работу. *Ни единого раза*. И тут вдруг... — Она пересчитала. — Пятьсот крон! Столько вы выручили за лодку?
— Бабушка, послушай...
— Вор, вот ты кто. Самый обычный вор. Вон отсюда.
— Бабушка!
— Вон отсюда сейчас же.
— Бабушка!..
— Я разве не говорила, что ты вылетишь отсюда в ту же минуту, как только я учую какие-нибудь мутные дела? Не говорила?
— Бабушка, мы *спасли* девочку!
— Думаешь, раз у меня голова седая, так и не сообщает?

— Бабушка, ну спроси Смурфа, когда он придет.
— Я его и на порог не пушу. Вор ты, вот ты кто. Всего-навсего. Самый обычный вор. Какое счастье, что дед до этого не дожил.
— Бабушка, можно им позвонить.
— Кому?
— Этим, чью дочку я спас.
— Позвони, тогда поверю. Телефон вон там.
— Хотя я не знаю, как их фамилия. К тому же их сейчас нет дома.
— Пф! Отговорки.
Бабушка облизнула губы.
— Вон отсюда.
— А где я жить буду?
— У себя дома, как все прочие.
— Мне что, жить вместе с Навозником?
Бабушка подошла к шкафу и достала баул, с которым я ходил на хоккей. Открыла верхний ящик комода и вывалила из него мое белье.
— Вот. Уходи, и точка.
— Бабушка, ты же не всерьез?
— Очень даже всерьез. Чтоб через десять минут тебя здесь не было, иначе я позвоню в полицию и расскажу, что Астрид Стрёмваль со Стенкильстаган видела, как двое мальчишек во второй половине дня украли каяк с крыши машины.
Бабушка швырнула мне в лицо сотенные купюры.
— Даю тебе девять минут.
Она выдернула из стены телефонную розетку, забрала телефон и хлопнула дверь.
Шмоток у меня было не так много, все умещались в бауле. Застегнув молнию, я вышел в прихожую. Бабушка сидела за кухонным столом, телефон стоял перед ней.
— Пока, — сказал я.

— Всего наилучшего. Если угодишь в Лонгхольмен¹ — не жди, что буду тебя навещать. Это уж я тебе гарантирую.

Мне хотелось сказать ей, что тюрьму на Лонгхольмене давно закрыли, но я молча вышел на лестничную площадку и спустился на улицу.

Я дотащил баул до метро, сел на лавку и принялся ждать. Темнело, холодало, и я достал одну из фланелевых рубашек.

Наконец пришел поезд со стороны Нурсборга, из вагона шагнул Смурф с синим рюкзаком на плече. Я окликнул его и забежал в стоящий передо мной вагон. Смурф вернулся в поезд и на следующей станции перешел ко мне.

— Что в сумке?

— Все, что надо для жизни. Бабушка меня выгнала.

Я рассказал о случившемся; Смурф покачал головой.

— Где жить будешь?

— Уж точно не у мамы с Навозником.

— Может, получится пожить у Курта, — сказал Смурф. Вид у него при этом был как у почетного гостя «Гранд-отеля».

¹ Островной район Стокгольма, до 1982 года там находилась тюрьма.

*О, братья и сестры, такова дружба!
В первом классе я влюбился в Лену Турелль.
У нее были густые светлые волосы и щербинка
между передними зубами. По средам после
школы Лена ходила играть на скрипке.
«Я влюблен в Лену Турелль, — сказал
я Смурфу. — Вырасту — женюсь на ней».
Смурф врезал мне в живот и заорал:
«А вот и нет! На Лене женюсь я!»
На краю канавы лежала доска.
Здоровая, как бейсбольная бита.
Я подхватил ее и врезал Смурфу по носу.
О, сестры и братья, такова любовь!*